Дядя Ваня заведёт свой МАЗ-500
И закурит папиросы «Беломор».
Дяде Ване свежий ветер бьёт в лицо,
Дядя Ваня любит волю и простор!

Он, представьте, за баранкою – сто лет!
И на трассе знает каждую из ям...
По приезде – режет сало на столе,
В День Победы вдрабадан бывает пьян!..

Дядя Ваня вспомнит Ладогу… Войну…
И друзей своих ушедших имена.
Дядя Ваня восемь раз в ЗИС-5 тонул,
Но об этом он не любит вспоминать…

(Под колёсами трещит апрельский лёд,
Над кабиною – «лаптёжники» в пике!
Жми, Иван! Наш город хлеба, хлеба ждёт!
Жми! И страх сожми в мазутном кулаке!..)

Нет, ему совсем не в кайф шампань-коньяк,
У соседки купит крепкий самогон.
Дядя Ваня покатать берёт меня
До обеда!.. Как я счастлив – ого-го-о!..

Дядю Ваню не заманишь калачом
В санаторий иль в дом отдыха какой…
Скоро отпуск! Он на спину рюкзачок,
На моторке рассекает Томь-рекой!

Дядя Ваня всю родню похоронил,
А родни – сыночек, дочка да жена…
С отпускных он заказал им всем гранит
И оградку – «чтоб с калиточкой была!..»

Юность Вани – там, за тридевять земель,
Где буянит май и жив наш клуб «Горняк»...
...Он украдкой ночью плачет о семье,
А наутро – кормит хлебушком дворняг.

«Русс Ивана» помнят Прага и Берлин!
На Рейхстаге он два слова накатал:
«ШОФЕР ВАНЯ»… А церквушке на Нерли
Нынче летом он с ремонтом помогал.

Дядя Ваня, приезжая в Ленинград,
Три пригоршни пьёт из Ладоги воды,
Смотрит вглубь и говорит: «Привет, Панкрат!
Я привёз тебе чекушку и еды!»

А Панкрат сидит на дне в своём ЗИСу,
Будто ждёт приказ: «В три тридцать выезжай!»
Всюду – рыбы... Весельчак он и плясун
До войны был... и любил ловить леща...

А Панкрата спеленал придонный ил...
– Эх война!.. Сто раз едрит её Матильд!..
Дядя Ваня врубит третью, засвистит
«Песнь о друге» – поженяновский мотив.

Дядю Ваню не страшат мороз, буран,
На дороге он хозяин, а не гость!..
Дядю Ваню знает Нарва, Клин, Урал.
И в чайных: «Вперёд, за Ваню!..» – главный тост!

СНЕГИРИ

На холодной крови отгоревших закатов
Мне пригрезятся детство, зима, снегири.
Как пылали они средь метелей косматых
На заре! Я им кашу на ужин варил.

Стыли руки. Буран заносил мои санки
И истошно ревел – хоть святых выноси!..
Снегирям приглянулась овсянка из банки,
Та, которую я в кулачке приносил...

Сэкономив на скудном своём рационе,
«Угощайтесь!» – сквозь белые снеги кричал.
…Брат мой бредил морями. Говорил: «На Цейлоне –
Лето там завсегда! Много яблок и чай!»

Яблок я не едал – на картинке лишь видел,
И не яблоки были друзья – снегири!
...Как-то раз, прогуляв допоздна с другом Витей,
Я простыл, заболел и глотал аспирин.

А в больничке на завтрак – всё та же овсянка.
Все сестрички дразнили меня: «Птицелов!»
...Снегири прилетали… Я кормил их, озябших,
Недоступных и сказочных, словно Цейлон.

…Мать с отцом разошлись. Я – далёко уехал.
Там, где после я жил, нет диковинных птиц...
Никогда не услышать мне звонкого смеха.
Никогда не увидеть приветливых лиц.

ВАНЕЧКА БУНИН

Тёплый июль распустил незабудки –
Синее море русских полей!..
Юный барчук Ванечка Бунин
Входит в таинственность тёмных аллей.

Праздник цветенья землю разбудит;
С вербой целуется старенький вяз...
Отрок болезный Ванечка Бунин
Чувствует с миром кровную связь.

Ласточек щебет. Песнь коростелей.
Ветер-гуляка в степи заплутал.
Зелень травы лето расстелит –
Ванечка смело шагает в закат!

Рядом бежит радостный пудель,
Лай его тает эхом в логах.
Юный мечтатель Ванечка Бунин
Смотрит подолгу на облака.

Сумерки озеро с речкой укроют;
Краешек неба туманом расшит.
Запах полыни, ромашек, укропа –
Воздух пропитан радостью жить!

Месяц плывёт – небесный табунщик –
Млечным путём за болотную гать...
Отрок восторженный Ванечка Бунин
Хочет всё сущее к сердцу прижать!

...А в полисаднике зреет антоновка,
Пух тополиный летит и летит...
Небо лазурное, небо бездонное
По-матерински на Ваню глядит.

Глянь: над ветлою светится нимб!
Едет в Задонское кучер Богдан.

...Нет, не придут окаянные дни
В нашу судьбу никогда!.. Никогда!